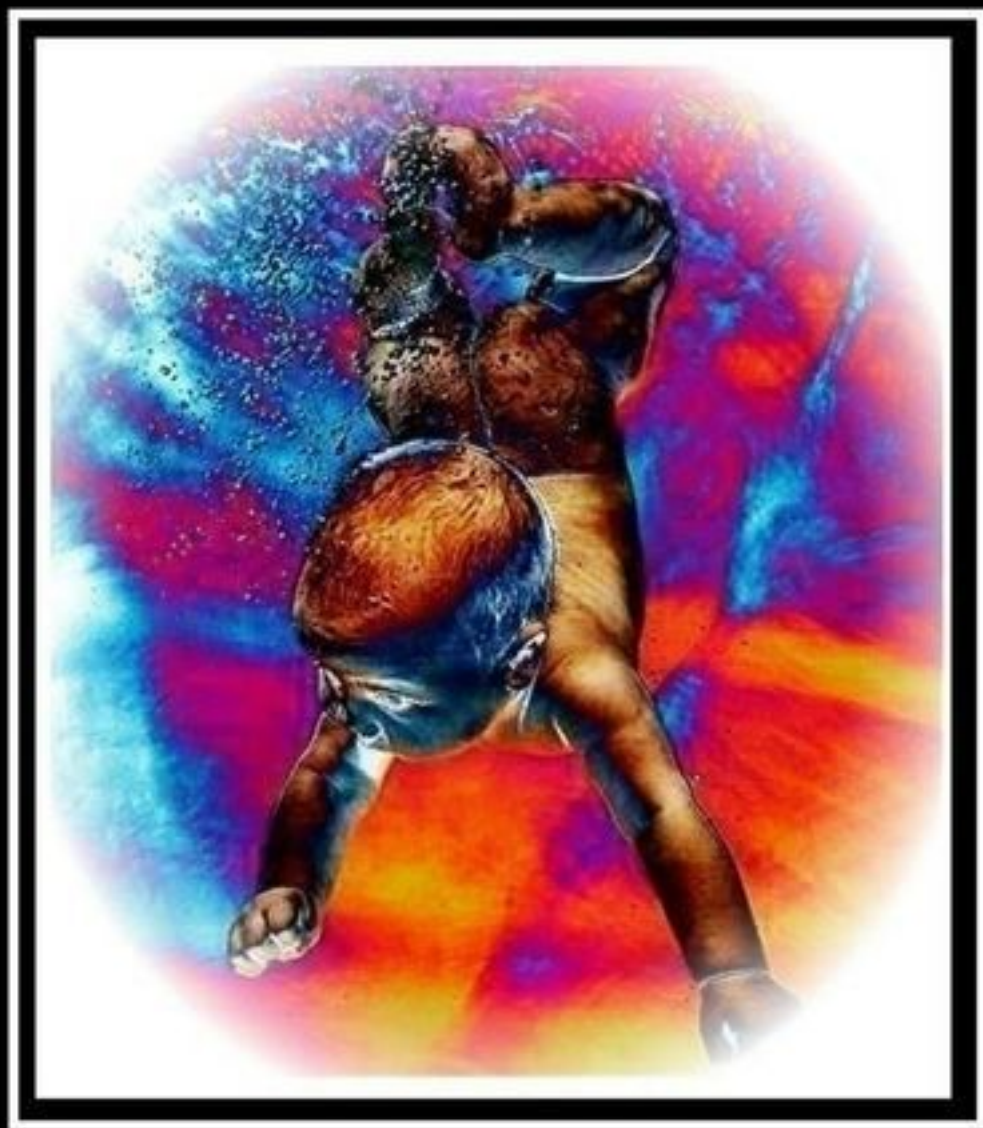

ИГОРЬ СОКОЛОВ

УРАГАН

Игорь Соколов

Ураган. Роман в стихах и в прозе

«Издательские решения»

Соколов И.

Ураган. Роман в стихах и в прозе / И. Соколов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741226-5

В мировой литературе не существует аналогов такого жанра, как роман в стихах и в прозе. Исключение составляют средневековая японская проза и проза немецких поэтов-романтиков. Символ романа — ураган как злая стихия, проносящаяся по судьбам героев, создавая причудливую и необычную в своей красоте и ужасе драму. Образ грешного священнослужителя не имеет под собой никаких намеков и идей. Роман раскрывает собой всеобщую грешность и кризис человеческой души в смутное время.

ISBN 978-5-44-741226-5

© Соколов И.
© Издательские решения

Ураган

Роман в стихах и в прозе

Игорь Соколов

*Блаженные изгнанные за правду,
ибо их есть Царство небесное.
И. Х. – Евангелие от Матфея 5—10*

Дизайнер обложки Игорь Павлович Соколов

Иллюстратор Альфонс Муха

© Игорь Соколов, 2017

© Игорь Павлович Соколов, дизайн обложки, 2017

© Альфонс Муха, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-1226-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Страшно грохочет небо, и на землю разъяренным чудовищем бросается ураган... Он уничтожает все и выметает отсюда как ненужное барахло... летят вывороченные с корнем деревья, обломки домов, чьи-то уже обезображенные трупы... А вместе с ними улетает и твоя любовь...

Еще вчера ты ее обнимал. Целовал, строил планы, подсчитывал расходы на свадьбу и предстоящее путешествие на юг, к морю...

Она заразительно смеялась, ее глаза сверкали, как у любопытного ребенка, и вся жизнь с нею открывалась легким и волшебным сиянием... лицо, подобное солнцу, освещало одну доброту... И все!..

Сколько дней и ночей ты проплавал в этом счастье?! Сколько раз ты обладал ею и проваливался в сладкий сон забытья?! Сколько чувств и откровений порождала она одним своим существованием?!

И сколько всего осталось там, в прошлом?!

Теперь ее уже нет, нет в самом буквальном смысле этого слова...

Конечно, что-то все-таки осталось, но лучше бы этого не было никогда. Обезображенное лицо, тело, лишенное двух рук и одной ноги, какой-то странный и до ужаса неузнаваемый горбун в инвалидной коляске...

Вот это она и есть! И лучше бы ее не было! Это она и сама сказала, но она была, как было и твое клятвенное обещание связать свою судьбу с нею, с той, которая когда-то была, сияла, как солнце и обвораживала, как сказка. И ты исполнил свое обещание! Это то ли совесть, то ли жалость заговорила в тебе... Правда, ты долго мучился и оттягивал свое решение. Да и вои родители, как и ее родители, отговаривали тебя! И она сама грустно плакала и просила забыть ее. Конечно, тебе легче было навсегда забыть ее беспомощное, уродливое тело вместе со своим уже ненужным обещанием, но ты был горд, ты поистине чувствовал себя героем, жертвой, мессией. И кем-то еще... Чуть ли не Богом!

И ты женился! И все стали гордиться тобой! Один раз тебя даже показали по телевизору! Смотрите, какой геройский мужик! Невеста стала инвалидом, а он все равно женился и вроде бы счастлив!

Скудоумные, как ты ненавидел себя и ее в эту минуту! И еще никто не знал, что делал ты с ней в полном одиночестве, в закрытой квартире, как ты ее мучил и заставлял проливать слезы от твоих постоянных оскорблений, которые теперь, как пули, вылетали из тебя, когда ты уставал смотреть на ее изуродованное тельце... Когда она мочилась и гадила, тебе приходилось придерживать ее над унитазом, и никто не ведал, даже она, какая буря негодования и брезгливости выворачивала всю твою Душу наизнанку!

Бедняжка, конечно, ужасно стыдилась всего этого, порой даже плакала, но постепенно и это вошло в привычку...

С отсутствующим лицом смотрел ты, как она опорожняет свой кишечник, и уже не столько от стыда, сколько по привычке прячет от тебя свое обезображенное лицо.

Свернутая набок челюсть, губы, сползшие куда-то вправо и постоянно выражавшие собой кривую усмешку судьбы, приплюснутый нос, отказавшийся от каких бы ни было форм, и глаза, как будто навсегда вылезшие из орбит и косящие куда попало, все в ней было искалечено и свернуто навсегда... к какой-то чертовой матери. Возможно, что где-то в глубине души она еще надеялась на какую-нибудь пластическую операцию, на какие-нибудь фантастические протезы или еще что-нибудь, а ты ее просто беззастенчиво ругал, крыл последними словами и, быть может, хоть этим себе облегчал бедную душу.

Мысль о какой-нибудь случайной и все же заранее подготовленной смерти жены посетила тебя совсем внезапно в книжном магазине, когда ты наткнулся на книгу о ядах... Правда, ничего практического в ней не было, всего лишь только жалкое описание травли великих людей. Да уж, древние лекари знали в этом толк. Они любили отправлять на тот свет своих королей быстро и незаметно...

Однако яды, которые они использовали, для наших времен совершенно никуда не годились! При любом вскрытии эти яды могли быть легко обнаружены в крови и моче отравленной тобой жертвы, а поэтому и не могли быть использованы тобою по назначению. И все-таки интуиция подсказывала тебе, что были и более хитрые яды, которые могли быть вообще невидимы... Именно такие яды применяли спецслужбы в борьбе со своими врагами. Но. К сожалению, все они были за семью печатями.

Лишь через несколько дней с помощью одного знакомого химика ты приобрел сравнительную таблицу ядов с их названиями, способом изготовления и описанием действия. Это было что-то необыкновенное! С помощью какого-то маленького клочка бумаги ты мог отправить к праотцам кого угодно! Это было похоже на сказку, но на сказку для сумасшедшего. Может, поэтому ты продержал у себя этот несчастный клочок несколько дней, проводя их в мучительных раздумьях, пока, наконец, не нашел в себе силы и не сжег его как самое сомнительное средство своего освобождения! И действительно, ты мог с ней просто развестись, отдать бедняжку назад ее родителям, но это тоже не входило в твои планы! Ведь ты прилюдно клялся в любви к этому однорукому страшилищу, говорил, что счастлив можешь быть только с нею, и потом тебя даже по телевизору показывали, и стал чем-то вроде национального героя. Поэтому путей назад ты совершенно не видел, т. е. они были, но тебе уже было стыдно признаться в своем отвращении к этой безобразной каракатице. Ведь никто тебя за язык не тянул, к тому же тебе очень хотелось быть благородным, а потом ты все еще помнил ее красоту и никак не мог поверить, что это все, что осталось от нее. И поэтому ты стал прости и незаметно для всех изучать этот бесформенный кусок мяса для того, чтобы быть может внезапно извлечь из него, как в сказке, притаившуюся и всеми забытую красоту. А может быть, ты хотел в ней разыскать тот лучезарный и бодрящий смех, тот жизнерадостный и все оживляющий характер?! Мучил ее какими-то бестолковыми вопросами о вашем канувшем прошлом, о ее навсегда улетучившейся красоте.

– Как корова языком слизнула, – говорил ты, глядя на ее исковерканное ураганом лицо.

– О, искусник, о, тихоня, ведь ты ее не бил, ты просто изощрялся в словесах и ловил кайф, когда из ее бесформенного лица и такого же ненужного тельца вытекали огромные слезы, а сам ее при этом притворно утешал, гладил по голове, прижимал все ее безобразие к своему красивому лицу... к своей Божественной фигуре.

О, ты тогда торжествовал! Это был настоящий триумф красивого и благородного мужа над немощной женой – инвалидкой и уродиной. Это усиливало жалость к ней как к человеку и терпимость к ее приобретенному физическому уродству.

О, секс – о, волшебство!

О, тайна всех небесных превращений!

Ради секса она готова была прощать себе тебе любые обиды, даже самые ужасные оскорбления! Секс – эта единственная ниточка, которая еще связывала ее и тебя с утраченным прошлым.

В абсолютной пустоте, ночью, при спущенных занавесках ее кошмарное уродство приобретало космическую ирреальность...

Что-то глубоко горячее и вечное, и неподвластное уму овладело всем твоим существом, вырываясь из ее неповрежденных недр вперед к твоему вожделеющему естеству, к твоему натянутому нерву...

Именно в эти самые минуты она вдруг начинала неистово и жарко шептать: «Ах, миленький мой! Сладенький!» Что-то теплое, материнское, доброе просыпалось в ней тогда, и ты уже слышал интонацию ее далекой светлой красоты... о, какая живая и трогательная была она тогда.

И лишь под утро, когда рассветало и когда ее уродство снова приобретало видимые очертания, ты снова становился угрюмым и печальным и снова отдалялся от нее.

Но она была бесконечно тебе благодарна, она готова была тебе все простить, и ты это чувствовал, и тебе было стыдно.

И стоило ей тебя только на словах простить, как снова ты начинал мучить ее уже с новой безумной силою... Пока вы оба не задыхались от собственного зла и непролитой желчи..., пока она одной своей единственной ручкой, сжатой в кулак, не начинала бить тебя, куда попало, а ты, чем-то страшно довольный и радостный, давал ей бить себя до тех пор, пока она сама не приходила в себя и снова не плакала.

А потом в каком-то диком упоении она подползала к тебе, как побитая и скулящая собака, и облизывала кровь с твоих разбитых губ... И вот именно этими минутами боли с наслаждением, радостью и с испугом и отчаяньем ты больше всего дорожил на свете.

Ты мучил ее, чтоб любить...

Унижал, чтобы ввысь подниматься...

Делал больно, чтоб ближе была

И дороже всякой мечты...

Но реальность оставалась темной... Ощущения, чувства – все заглушалось ее неустрашимым и вечно бросающимся в глаза уродством...

Ты любил ее и ненавидел, поклонялся ей и презирал... Но все же никогда и ни при каких обстоятельствах ты не допускал даже мысли, что тебе ее надо бросить... Ибо внутри тебя уже существовал какой-то невидимый закон, по которому ты был должен прожить с нею всю жизнь, а поэтому ты был всегда с нею такой мучительный и странный и всегда пытался извлечь хотя бы эту ирреальную красоту, хотя бы ночью с ничего не видящими глазами, главное, ощутить в себе ее живое и жалостно тоскующее «я».

Ослепить его и дать блаженство...
Словно зверю плоть свою отдать
на рождение сладостного мига...
Вот постижение земного совершенства...
Тьма вечный Дух зовет сама хоть безъязыка....
Ты обладаешь ею, словно сердцем нож.
И облекаешь боль свою в стихи...
Философ с грустными глазами
Поэт, дитя безжалостных стихий...

Временами жизнь была похожа на идиллию. Бывало, что ты совсем забывал и не думал про уродство своей жены... Тихие, спокойные думы внушало чистое небо с вечерним алым закатом, свежая листва на деревьях и ее голос, голос, который как и прежде звал тебя куда-то вдаль. Вот в такие прекрасные летние вечера ты возил ее в кресле-каталке по берегу медленно засыпающей реки и говорил с нею как с другом о том, как хорошо просто вот так жить и любоваться этой рекой, закатом и птицами, что поют, как ангелы, в небесной тишине...

Черт побери! Как ты любил ее в это время! Ты не смотрел ей в глаза, ты не рассматривал ее несчастное изогнутое тельце, ты просто слушал и любовался ее голосом.

Голос плыл тихо и спокойно, как протяжная музыка...

Он не просто касался тебя, он проникал внутрь...

Он напоминал о ее прошлой и уже невидимой красоте...

Зрение как бы изнутри насыщало его внутренним светом, и ее жалкий и пугающий образ вдруг неожиданно превращался в пугающую сказку...

И тогда ты брал ее как ребенка на руки из коляски, и, не стыдясь прохожих, носил и кружил по траве, потом валился на теплую землю, и вы очень долго смеялись...

Твое настроение быстро передавалось ей, и она уже не чувствовала себя ненужным куском мяса...

Тогда вам казалось, что это будет всегда, и этот вечерний свет, заполняющий землю, и медленно текущая в неизвестность река останутся с вами и соединят ваши души навеки! И тогда ты был все так же наивен и глуп.

Ты думал забыть то, что каждый раз бросалось в глаза, что уже не излечить никакими лекарствами...

И только одна жалость просила тебя быть бережным с этим несчастным существом...

Глаза в глаза... Ты видел муки
И уходил как навсегда...

Впрочем, она это чувствовала и не говорила об этом лишь полому, чтоб не делать тебе лишний раз больно... Хотя на самом деле болела она, а не ты....

Правда, ей, бедняжке, приходилось содержать себя в строгом безразличии к себе... Конечно, это была маска, но эта маска вылеплена исключительно для тебя...

О, если б она только завывала или заплакала, то ты ее сейчас бы бросил! Все твое героичество и самопожертвование исчезло бы без следа...

Несчастный ангелочек, она знала и это и поэтому приучала себя слушать только тебя!

Тебя, влюбленного в себя
до омерзения!
Однако, что она могла,

Твоя – навеки – вечная калека!

Может, поэтому и эти летние вечера были лишь маленькой светлой полосой в вашей запутанной жизни... Конечно, ты не бил ее, не резал, но словом гаже плетки оплетал!

Воздух! Вот с чем ты мог сравнить ее, чтоб иногда привлечь ее пламя на миг... А после того, как ты овладел ею, в душу возвращалось обычно отвращение...

И ты шел дальше своих мыслей, в никуда...

Никто не мог сказать тебе, что ты скотина!

Никто не мог тебя остановить.

Итак, пройдя лишь жизни половину...

Ты захотел ее покинуть или убить!

Хотя и это становилось почему-то гнуснейшей позой помраченного ума!

Отличие, странное и ни на что не похожее отличие от других, – вот что ты видел в своей жизни, и что тебя заставляло терпеливо относиться даже к собственному бесстыдству. В конце концов, и другие супруги ругаются и не находят мира в своей семье, но только не вы, прекрасный молодой супруг и жалкая никчемная калека...

Абстракция и тела, и ума!

Она одна безжалостно нага!

Она одна перед тобой бессильна,

И поэтому твоя горячая рука

Ее лоб холодный гладит...

Пот обильный с него стекает,

Когда грустная жена

Себя в скорлупке еле сохраняет...

Алкоголь возник постепенно! Как кошмарные фантазмы какого-нибудь ночного поэта, ее обрубки и сплющенное набок лицо задавали себе вопросы: где, когда и зачем, для кого я живу?! Потом все вопросы сливались с тобою в тоску, а там только шаг один оставался к безумному морю, откуда забвенье черпали себе остальные...

Она забывала про все когда отравлялась...

Ты знал, в ее черепе дырка а в дырке пластинка,

Но все равно давал пить, ничего не желая...

Она кусала тебя со смехом, хмельная...

Она изгибалась всем телом, как будто змея...

И член свой брала в свои сочно-пьяные губы...

И сперму глотала, как будто небесный нектар...

Потом ее быстро рвало, и ты ставил ей клизму...

И лоб мокрой тряпкой от пота ее вытирал...

И целовал ее грустные впалые щеки...

Глаза, косящие вниз к невеселым обрубкам...

И песню шутя напевал, вызывая из плена,

Из плена безумья, родное свое существо...

А потом у нее начались запои... Ты как дурак уговаривал ее не пить, и все равно покупал для нее любое вино, какое только попросит...

Желанья, как части срамные
Из тела, как сгусток Души...
Теперь каждый день тошнило ее,
И в помоях квартира была,
Но ты все равно покупал...
Как странный ребенок смотрел на нее и дивился...
Игрушка чрезмерно забавной была для тебя.
А после опять держал ее тело над ванной
И в чистой воде как святыню ее обмывал...
После чаем поил и клал на белую простынь...
И книги, как в детстве, вслух для нее вновь читал
Она любила мудрейшую Шахерезаду,
Наташу Ростову, Джульетту, но не себя...
Себя она презирала как старую клячу,
«Скорей бы уж сдохнуть», – Бога молила она.
А ты ей, во всем сомневаясь в себе, подчинился!
Собой не владел, так ею владел без конца!
Не имея любви в своей жизни,
Ты с нее свой же образ списал...

Так бывает, когда на исходе
Всякой жизни предсмертное чувство
Вдруг обыденно, мертво и серо...
И ты ей разрешаешь пантерой
Иногда на тебя же бросаться...
Мир тоской раздвоен, вспорот снами...
Ты готов целоваться с тенями,
Лишь бы ей не отчаяться в чаще,
Лишь бы смерть не казалась ей слаще...

Потом она неожиданно бросила пить... Она словно только что проснулась и ужаснулась виденному сну.

– Почему ты давал мне пить? – упрекнула она тебя, но ты молчал и очень странно улыбался...

Твое добро на самом деле зло...
Но ты не зря ее поил и удивлялся,
Какая все же сильная она,
Раз может так вот не бояться —
Ругать тебя и потерять тебя...
Так дни и годы – цепи в отношениях.
А дом ваш как хранилище обид.
Ей проще с твоим телом расставаться,
Когда ты ей уже по горло сыт...

Работа – она как твой костюм, как бал-маскарад... Ты опять не в своей шкуре целый день в суете, в беготне неизвестно зачем!!! Наверное, многие, так вот забыв обо всем, работают, словно машины...

Однако и здесь – не в тарелке своей,
Не на месте своем, не в какой-то еще стратосфере
Ты про все забываешь, и в том числе про нее.
По инерции дышишь,
Но дышишь легко и свободно...
Так, как будто птицы летают
Над нашей бедовой планетой,
Мыши возятся так за стеной, вдруг почуяв кота...
И еще алкоголик дрожит,
Завидев в толпе фараона.

Бумажки... Сотни, тысячи неиспользованных задниц...

И каждая должна что-то подтверждать, что-то приказывать, даже гримасничать, требуя к себе абсолютного внимания.

А за бумажками люди, а за бумажками годы, а за печатями судьбы, женитьбы и даже разводы.

В конфликте одного с другим рождались сны... сны становились вымышленной явью... Именно в эти минуты, когда жизнь казалась бессмысленной штукой, ты опять вспоминал про нее.

Как ты любил ее до урагана,
Когда она была твореньем божьим,
Когда природы совершенство... к ней влекло...
Неудержимой страстною волною...

И сейчас, когда ее не стало
И осталась только грустная Душа,
В потрохах которой лежала...
Каждый день перед тобой... едва дыша...
Казалось, что сама Судьба смеялась...
Как сумасшедшая над собственной бедой...

Бумаги утешали своим грузом,
За ними люди спор с собой вели,
Они имели множество капризов,
И видеть мир таким, каким он был, уж не могли...

Ты собирал бумаги в папки, словно чувства,
По крохам невесомым собирал,
И оформлял прощения в идеи,
И жалобы взводил на пьедестал...
Закон придумали, чтоб в прахе растворяться,
Чтоб верить смыслу, подчиненному слогу.
Чтоб карой божьей, словно чудом, восторгаться
И доверять одним лишь небесам...

Работы пустое движение вверх-вниз,
Как и взад – и вперед —

Рождало одно помраченье...
Как будто тоску из пустот...
Фамилия, имя и отчество,
Профессия та же судьба,
Семья иль маразм одиночества...
Не деться тебе никуда...

Действительно, деваться было некуда. Работа, дом и невероятно удивительная жена – все это заключало тебя в замкнутый круг...

Друзья?! – друзья встречались ненадолго, чтоб только вспомнить, что они друзья... И потом они ужасно стеснялись твоей жены...

Что за блажь – жениться на уродке, —
Так считали попросту они,
Только вслух не говорили и молчали.
И очень редко посещали дни твои.
Так длиться очень долго не могло...
Сойти с ума иль даже утопиться
Ты не хотел – нужна была Душа,
Которая смогла б пойти навстречу
И заблудиться в твоей жалобной тоске...

Другая женщина нужна с нормальным телом
И не измученная собственным недугом,
И принимающая мир весь благодарно,
Как часть уже самой себя...
А что жена?! – Она ведь не узнает
И хоть немного будет счастлива с тобою...
Ведь ей уже не выбирать, ей остается
Только служить фатальной цели бытия...

И ты пошел на поиски любимой...
Как будто мартом осененный кот...
Везде искал ее красивый... фас или профиль...
Средь тех, кто жить устал...

Да и уставшей женщине приятней
Достаться незнакомому мужчине...
Так думал ты, шагая в неизвестность...

«Деньги ради денег» – эта формула была тебе непонятна...

Некоторые люди даже после работы продолжали трудиться и зарабатывать себе на жизнь, хотя бы иными способами.

Но чаще всего, и как правило, они ставили крест на своей личной жизни и вообще они занимались самообманом, они искали сиюминутных развлечений, даже любовницы им были нужны только на ночь, потому что им было некогда...

Деньги – время, – другая формула, близкая первой, тоже была им вроде катехизиса в иной, намного лучший мир...

Однако ты так жить не мог и не желал...
Ты чувствовал подвох в такой трясине...
Любовница?! Ну, что же пусть нужна,
Но не любая и не всякая подружка...
Иная просто заберется в твой карман,
И, как очистит, уберется восвояси...
Иной же мсть нужна своему мужу,
Отдастся смыслу вопреки...
Только за грубость своего супруга,
За безразличие к своей нелегкой доле,
И как отмстит глупейшей половине,
Опять ее с собой соединит...

Все это пошлость, развлекаться снами,
Быть приложением к судьбе коварных женщин...
Тебе была нужна подруга, но такая,
Чтобы отдать себя могла без тайных мыслей,
И без условий легкомысленных и встречных...
И не один лишь раз, а сразу навсегда...

Хотел ты много, но рождалось мало
От проходящих мимо женщин чувств...
Видимо, как будто совершенны,
Они внутри – совсем пустыми были...
Все их глаза собой не выражали
Ни нежности, ни страсти безусловной.
Точно – они блуждали в вечном трасе...
Они уже с другим мужчиной были...
Ты разрывался тенью в их виденьях...
И если был, то все же оставался
Прообразом их тайных помрачений...

Так день прошел, и месяц, после год,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.